

Н. П. Кибардин

**Система педагогики по
творениям Блаженного
Августина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37
ББК 74
Н11

H11 **Н. П. Кибардин**
Система педагогики по творениям Блаженного Августина / Н. П. Кибардин –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 182 с.

ISBN 978-5-518-06633-5

Православный собеседник, 1910, 1, с. 66-88; 2, с. 169-179; 5, с. 620-633;
7, с. 144-202; 9, с. 318-351; 1911, 7-8, с. 153-170.

ISBN 978-5-518-06633-5

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

на вершину Монъ-Ванту, чтобы насладиться оттуда чуднымъ видомъ, раскрылъ принесенную имъ съ собою книгу Августина. Онъ забылъ про развернувшуюся у его ногъ красоту природы, увлеченный созерцаніемъ красоты великой человѣческой души, вылившейся въ бессмертномъ твореніи Августина, въ его Исповѣди¹⁾.

Остановившись болѣе подробно на біографическихъ свѣдѣніяхъ о блаж. Августинѣ, поскольку они относятся къ воспитанію и образованію человѣка, въ дальнѣйшемъ изложеніи педагогическихъ взглядовъ его, передадимъ здѣсь вкратцѣ жизнь его²⁾.

Сынъ язычника Патриція и благочестивой христіанки—Моники, Августинъ, въ язычествѣ Аврелій, родился въ г. Тагастѣ, въ римской Африкѣ, въ 354 г., на склонѣ римского величія. Ранняя жизнь его была бурная. Воспитанный матерью на началахъ христіанства, Августинъ до 32-хъ лѣтъ оставался язычникомъ. По желанію отца своего, получивъ начальное образованіе въ языческихъ школахъ на родинѣ (въ Тагастѣ и Мадаврахѣ), для продолженія образованія своего отправился онъ на 16-мъ году жизни въ Карѳагенъ, гдѣ и обучался въ школѣ „риторовъ“ въ теченіе трехъ лѣтъ. Среди всѣхъ искушеній Карѳагенской жизни, въ омутѣ которыхъ окунулся молодой Аврелій, скоро (на 19-мъ году жизни) проснулся въ немъ прирожденный ему идеализмъ. Поводомъ къ

1) Герье. Цит. соч. стр. XIII.

2) Кромѣ «Исповѣди» Августина, содержащей въ себѣ много автобіографическихъ данныхъ, свѣдѣнія о жизни Августина содержатся въ трудахъ ученика его Поксидія «Vita sanct. Augustini», изданномъ бенедиктинцами (T. X, appendix, p.p. 257—280; у Migne T. I, p.p. 66—578). Въ русской литературѣ см.: „Жизнь бл. Августина“—Христ. Чт. 1845 г., ч. IV; Фарраръ. „Жизнь и труды отцовъ и учителей церкви“ въ пер. Лопухина, т. II; Православ. богослов. Энциклопедія, изд. Лопухина, СПБ. 1900 г. т. I, стр. 102—112; пр. Герье, цит. сочиненіе. Поэтическое сказаніе о жизни Августина принадлежитъ перу Щепкиной—Куперникъ (Нива; 1910 г. № 10).

тому послужило чтеніе не дошедшей до насъ книги Цицерона „Гортензій“. „Эта книга,—говоритъ онъ въ „Исповѣди“, преобразила мое сердце и обратила къ Тебѣ самому, Господи, молитвы мои, и измѣнила мои помыслы и желанія“. Съ этого времени до самаго обращеніе въ христіанство онъ неутомимо старался достигнуть высшаго блага, временно находя удовлетвореніе въ различныхъ философскихъ и религіозныхъ школахъ. Сначала его привлекло „манихейство“, коренившееся, какъ своей космологіей, такъ и этикой, въ религіи Зороастра, но заимствованное нѣкоторыя религіозныя представленія и изъ христіанства. Девять лѣтъ (съ 19-го по 28-й годъ) находился Августинъ подъ вліяніемъ манихеянъ. Въ это время онъ былъ уже преподавателемъ риторики въ школахъ—въ Та-гастѣ, Карѳагенѣ, Римѣ и Миланѣ (Медіоланѣ). Пребываніе въ Миланѣ имѣло рѣшающее вліяніе на дальнѣйшее развитіе Августина. Въ теченіе трехъ лѣтъ пережилъ онъ здѣсь, послѣ глубокой душевной тревоги, то состояніе внутренняго броженія, „которое врачи называютъ кризисомъ“. Разочаровавшись въ манихѣйствѣ, Августинъ подпалъ здѣсь подъ вліяніе философской секты академиковъ, т. е. скептиковъ. Не удовлетворенный равнодушіемъ скептицизма ищетъ онъ спасенія въ платонизмѣ или, вѣрнѣе, неоплатонизмѣ, какъ передавалъ это ученіе Плотинъ. Въ Миланѣ же познакомился онъ съ Амвросіемъ, архіепископомъ Миланскимъ (Медіоланскимъ), имѣвшимъ на Августина сильное вліяніе. Ученіе Платона послужило переходною ступенью къ христіанству и на Пасхѣ 387 года Августинъ принялъ крещеніе. На пути изъ Милана на родину, въ Остіи, скончалась Моника; скорбь, причиненная этимъ, трогательно изливается Августиномъ въ его „Исповѣди“. Раздавъ все, что осталось послѣ матери, Августинъ, по возвращеніи въ Та-гасту, предался аскетической жизни, но съ 391 г. былъ избранъ священникомъ въ Иппонѣ, гдѣ въ 395 г. сдѣланъ былъ помощникомъ епископа Валерія,

а вскорѣ затѣмъ и епископомъ Иппонскимъ. Въ этомъ городѣ Августинъ оставался до конца своей жизни. Послѣдніе годы его были крайне тревожны. Онъ видѣлъ, какъ вандалы наводнили Сѣверную Африку, и ему пришлось руководить отчаянной обороной Иппона. Въ осадѣ, прежде чѣмъ сдался городъ, блаж. Августинъ и скончался, въ 430 году, на 77-мъ году своей жизни.

Такова краткая исторія жизни Августина. Интенсивность его внутренней жизни дѣлаетъ наблюденіе надъ его душой особенно интереснымъ и плодотворнымъ.

Надѣленный отъ природы пылкимъ и страстнымъ темпераментомъ, Августинъ всегда отдавался извѣстному охватывавшему его движенію до конца. Эта основная черта темперамента не оставляетъ Августина въ буквальномъ смыслѣ отъ колыбели до гробовой доски. Еще о тѣхъ младенческихъ дняхъ жизни своей, когда онъ не умѣлъ говорить, Августинъ сообщаетъ, по разсказамъ своихъ домашніхъ: „мало по малу началь я различать окружающіе меня предметы и старался передавать желанія свои тѣмъ, которые могли бы удовлетворить мнѣ... И когда желанія мои не удовлетворяли,... я приходилъ въ негодованіе¹⁾... Царапаясь и кусаясь, старался я по мѣрѣ силъ вредить за то, что не выполняютъ вредныхъ (моихъ) требованій²⁾“.
Въ періодъ разцвѣта своихъ силъ онъ восклицалъ: „О истина, истина! какъ глубоко вздыхала душа моя по тебѣ, и какъ искренне стремился къ Тебѣ духъ мой³⁾. Тоже твердое, страстное, неуклонное слѣдо-

¹⁾ Исповѣдь Августина. Кн. I, гл. 6, изд. Тр. Кіевск. Дух. Академіи, стр. 7. Въ послѣдующихъ сноскахъ мы будемъ цитировать всегда вышепоименованное русское изданіе, но такъ какъ переводъ его во многихъ мѣстахъ можетъ называться только переложеніемъ, то мы будемъ сравнивать его съ латинскимъ подлинникомъ и цитировать наряду съ подлинникомъ изданіе Migne.

²⁾ Ibid. I, 7, стр. 10.

³⁾ Confess. X. III, стр. 53.

ваніе внутреннему голосу видимъ мы въ Августинѣ и то лѣтъ спустя, когда въ предсмертныя минуты онъ ободряетъ гражданъ Иппона, осажденнаго (въ 430 году) вандалами, „одушевляетъ бѣдствующихъ христіанъ, подкрепляеть ихъ словами утѣшенія и самъ показываетъ высокіе примѣры христіанской любви и мужества“ ¹⁾.

Чтобы охарактеризовать въ общихъ чертахъ складъ внутренней жизни Августина, необходимо упомянуть объ его склонности къ скепсису и анализу.

Обладая умомъ чрезвычайно подвижнымъ, глубокимъ и острымъ, Августинъ стремился составить себѣ прочное и основанное на неопровергимыхъ данныхъ міровоззрѣніе. Слѣдуя внутреннимъ требованіямъ своей страстной натуры, онъ избралъ для этого методъ скептицизма. Въ началѣ его скепсисъ проявлялся по отношенію къ внутреннимъ принципамъ, внушоннымъ воспитаніемъ и покоящимся на вѣрѣ. Въ ранніе годы, еще въ годы отрочества, эти „старые корабли“ были безпощадно сожжены Августиномъ, и онъ пустился въ открытое и бурное плаваніе, не признавая никакихъ постороннихъ маяковъ—авторитетовъ, слѣдуя всегда одному внутреннему голосу. Тотъ же скептическій методъ исканія истины заставлялъ Августина и всю послѣдующую жизнь переходить отъ одной философской школы къ другой. Какъ только увлекался онъ какимъ либо новымъ міропониманіемъ, тотчасъ отдавался ему безраздѣльно, пока не завладѣвалъ всѣми основными положеніями данной доктрины. Затѣмъ начинался въ немъ обыкновенно процессъ критической пропѣрки всего воспринятаго въ періодъ увлеченія; скепсисъ снова вторгался въ построенное зданіе и отъ послѣдняго оставались только обломки, изъ которыхъ, однако же, впослѣдствіи составляется его новое цѣльное христіанско міросозерцаніе.

1) Жизнь блаж. Августина, епископа иппонійскаго. Христ. Чтен. 1845 г. ч. IV, стр. 273.

Рука объ руку съ методическимъ скептицизмомъ идетъ у Августина строгій и беспощадный анализъ. Эти два качества развиваются у него въ полной зависимости другъ отъ друга. Сомнѣніе ведетъ къ разложенію извѣстныхъ общихъ заключеній и выводовъ на болѣе частныя посылки и понятія. Анализъ Августина однаждѣ проявлялся не только въ отношеніи къ объективнымъ, воспринятымъ откуда либо, даннымъ, но онъ прилагался, что особенно дорого для насъ, и къ собственнымъ внутреннимъ душевнымъ его движеніямъ. Августинъ любилъ направлять свое научное изслѣдованіе къ „внутреннему опыту“. На его субъективизмъ, на его наклонность къ рефлексіи, переходящую въ болѣзненное прислушивание къ себѣ, указываютъ настойчиво почти всѣ изучавшіе ею міровоззрѣніе¹⁾. „Августинъ является виртуозомъ въ самонаблюденіи и самоанализѣ“, говоритъ Виндельбандъ; онъ въ совершенствѣ обладаетъ искусствомъ описывать душевныя состоянія, и не меньшаго удивленія заслуживаетъ его способность анализировать эти душевныя состоянія и обнаруживать самыя глубокія основанія чувствъ и побужденій“²⁾.

Всѣ указанныя особенности душевнаго склада Августина становятся тѣмъ болѣе драгоценными для нашего изслѣдованія, что онѣ направлены были не на внѣшній, постоянно раскрывающійся во всѣхъ своихъ обольстительныхъ краскахъ предъ глазами наблюдателя міръ, а на область внутренняго опыта. „Меня поражаетъ величайшее удивленіе, говоритъ Августинъ, и изумленіе охватываетъ меня: люди идутъ удивляться высотѣ горъ, и огромнымъ волнамъ моря, и величайшимъ рѣчнымъ водопадамъ, и безбрежности океана и теченію звѣздъ, а не обращаютъ вниманія на самихъ себя“³⁾.

1) Кн. Трубецкой. ч. I, стр. 24.

2) Виндельбандъ. Исторія древней философіи. СИБ. 1893 г. стр. 338.

3) Confess. X, 8. Migne. t. XXXII, p. 785; рус. пер. стр. 273.

Впрочемъ, самосознаніе Августина не представляетъ изъ себя самоцѣли, на которой могла бы остановиться работа изслѣдователя; его анализъ своей души есть, можно сказать, только исходная точка его философіи, конечная цѣль которой—найти избавленіе отъ глубокаго разлада, царящаго во внутреннемъ существѣ человѣка. Впослѣдствіи такое успокоеніе Августинъ и получаетъ дѣйствительно въ Высшемъ Существѣ, устроющимъ тотъ „градъ Божій“, гдѣ находитъ объективную правду и счастье изстрадавшійся въ своемъ ничтожествѣ и своемъ разладѣ человѣкъ. „Войди въ самого себя“, говоритъ онъ въ сочиненіи „объ истинной религії“, истина обитаетъ во внутреннемъ человѣкѣ; и если ты найдешь, что твоя природа измѣнчива, то выйди изъ самого себя“¹⁾. „Выйди изъ тѣла, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и изслѣдуй душу. Оставь и душу и изслѣдуй Бога. Если ты остановился на душѣ, ты находишься въ срединѣ (изслѣдованія); если опустишься книзу, будешь тѣло, если устремишься вверхъ—Богъ“²⁾. Такимъ образомъ, душа и Богъ—вотъ два главные предмета изслѣдованія Августина, о чёмъ онъ и самъ говоритъ очень ясно въ своихъ „Монологахъ“. Я желаю знать Бога и душу. А болѣе ничего? Рѣшиительно ничего“³⁾.

Высшее Существо является и для Августина полнымъ таинственности и „неуловимой непостижимости (incomprehensibilis)“⁴⁾, если Его рассматривать въ Его существѣ безъ всякихъ посредствъ. Но Божество открывается человѣку въ силахъ и способностяхъ души человѣческой, потому что она „подобна Богу“⁵⁾,

¹⁾ De vera religion, c. 39, M. t. XXXIV, p. 154.

²⁾ Tract. XX in Evang. Ioan. n. 2. M. t. XXXV, p. 1556.

³⁾ Soliloqu. I, 2. M. t. XXXII, p. 872; рус. пер. изд. Кіевск. Дух. Академіи Творенія бл. Августина Иппонскаго т. II, стр. 233.

⁴⁾ Confessiones. Migne, t. XXXII, 1, 7; p. 662; рус. пер. т. I, стр. 4.

⁵⁾ De quantitate animae, I, 2. Migne. t. XXXII, p. 1037; рус. пер. т. II, стр. 329.

потому что „собственно душѣ принадлежащее мѣсто-пребываніе и отчизна ея есть самъ Богъ, который сътворилъ ее“¹⁾). „Душа наша, говоритъ Августинъ, имѣетъ разумъ, гдѣ есть образъ Божій, гдѣ обитаетъ Христосъ. Низойди же въ глубину своей души и тамъ, во внутреннемъ человѣкѣ, ты ободришься для уподобленія Богу; въ образѣ своемъ познаешь Виновника его“ Въотъ почему съ самыхъ раннихъ лѣтъ Августинъ, желая познать Божество, всѣ силы своего остраго психологического анализа устремляеть на свой душевный міръ.

Указанныя выше отличительныя душевныя качества Августина, повторяемъ, имѣютъ большое значеніе для педагогического изслѣдованія. Пылкость юной натуры побуждала Августина постоянно и неутомимо стремиться „непонятное понять, недоступныхъ сокровенныхъ ощущеній испытать“. Ни одинъ общечеловѣческій вопросъ не былъ имъ обойденъ; пытливая душа человѣка, ищащаго истину во всѣхъ сферахъ бытія, нашла, такъ сказать, свое олицетвореніе въ Августинѣ. Не имѣя нравственныхъ правиль, которыми онъ могъ бы руководиться, онъ незамѣтно для себя „уклонился“ съ пути христіанскаго совершенствованія и пошолъ по распутіямъ²⁾. „Больна была душа моя, сознается онъ самъ впослѣдствіи, и покрытая струпьями, она жалкимъ образомъ устремилась къ вѣнчальному міру, страстно желая раздраженія отъ соприкосновенія съ чувственными предметами (*scalpiavida conactu sensibilium*)“³⁾. Утративъ свою дѣтскую вѣру, Августинъ большую половину жизни страдалъ надъ выясненiemъ основныхъ вопросовъ бытія и жизни. Отъ этихъ страданій, разрывалось сердце его; по ихъ интенсивности онъ могъ сравнить ихъ только „съ муками рожденія“⁴⁾ (*tomenta parturientis*:

¹⁾ De quant. an. p. 1035; рус. пер. 328.

²⁾ Confess. II, 10. Mign. t. XXXII p. 682; р. п. стр. 44.

³⁾ Ibid. III, 1. Mign. p. 683.

⁴⁾ Confess. VII, 7. Mign. t. XXXII, p. 739.

·cordis mei), „Таившіся въ душѣ моїй терзанія, вос-
жликаетъ онъ, какъ бы проторглись изъ нея въ столь
громкихъ риданіяхъ, что они вознеслись къ престолу
Милосердія“¹⁾). Прослѣдить всѣ степени нравственного
паденія и возрожденія, умственного шатанія и обо-
снованія на новыхъ, незыблемыхъ, устояхъ міросозер-
цанія этого великаго учителя Церкви, „родоначаль-
ника средневѣковаго міровоззрѣнія“, прослѣдить ихъ
въ высшей степени важно для педагогики какъ науки,
которая должна быть поставлена на почвѣ наблюденія.

Августинъ самъ помогаетъ наблюденію надъ
своей душой. Онъ оставилъ намъ письменные памят-
ники своихъ душевныхъ тревогъ, всѣхъ своихъ по-
пытокъ разрѣшить вѣчные вопросы жизни, въ видѣ
15 томовъ своихъ сочиненій компактнаго изданія
Migne. Правда, въ большинствѣ эти сочиненія преслѣ-
дуютъ специально-полемическія, апологетическія цѣли;
однако же среди нихъ можно найти цѣлый рядъ твор-
еній, посвященныхъ раскрытию недуговъ большой
души человѣка и средствъ къ излечению ея.

Изъ послѣдней категоріи выдѣляется имѣющая
автобіографическое значеніе „Исповѣдь“ (Confessiones)
Августина, пріобрѣвшая міровую извѣстность. Въ
„Исповѣди“ Августинъ рѣшился дать полную исторію
своего духовнаго развитія, принести всенародное по-
каяніе въ своихъ религіозныхъ сомнѣніяхъ, логичес-
кихъ ошибкахъ и нравственныхъ паденіяхъ. Ни одна
мысль, ни одно движение сердца, начиная съ ранняго
младенческаго возраста, кончая обращеніемъ и кре-
щеніемъ Августина, ничто не оставлено Августиномъ
безъ вниманія. Глубокій психологический анализъ
разлагаетъ всякое душевное явленіе на его составные
элементы. Каждый поступокъ здѣсь находитъ свою
оценку; этого мало, Августинъ хочетъ припомнить
здѣсь не только то, что могло быть видимо людьми,

1) Ibid. рус. пер. стр. 171.

XIII

но даже и то, что совершалось въ тайникахъ его души и было известно одному Богу. „Я исповѣдаюсь, говоритъ онъ, не только словами и звуками чувственными, но и словами душевными и волемъ помышленій“ ¹⁾). „Я приношу исповѣдь не предъ Господомъ только, но и предъ вѣрующими сынами человѣческими, сообщниками въ радости моей и соучастниками въ моей смертности, предъ согражданами и спутниками моими въ жизни моей“ ²⁾). Въ виду этихъ цѣлей въ результата получилась полная и детальная картина внутренней жизни Августина. Онъ и самъ признаетъ за ней значеніе реального и правдиваго собственнаго изображенія. „Вотъ тебѣ, пишетъ онъ Дарію Комиту, книга моей исповѣди. Тамъ созерцай меня; тамъ мнѣ внимай; тамъ ты увидишь, что я былъ въ самомъ себѣ“ ³⁾.

Независимо отъ такого автобиографического значенія, „Исповѣдь“ Августина представляеть для педагогики большой цѣнности вкладъ, какъ типичное изображеніе невѣрующаго человѣка, приходящаго посредствомъ мучительныхъ размышленій, къ прочнымъ убѣжденіямъ, построеннымъ на основѣ религіозной вѣры. „Всѣ тѣ, говоритъ кн. Трубецкой, кому христіанство не достается даромъ, кто получаетъ его не какъ наследственный даръ, а приходитъ къ нему разумомъ и волею, путемъ свободнаго изслѣдованія, неизбѣжно проходятъ чрезъ идеалистические порывы молодости и чрезъ отчаяніе пессимистовъ и скептиковъ... Моменты развитія Августина суть, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени, необходимые моменты въ христіанствѣ, и его *Confessiones* могутъ быть названы феноменологіей христіанскаго сознанія“ ⁴⁾.

¹⁾ Confess. X, 2. M. t. XXXII, p. 779. рус. пер. стр. 264.

²⁾ Confess. X, 4. M. t. XXXII, p. 781; рус. пер. стр. 267.

³⁾ Epist. 231. n. 6. M. t. XXXIII, p. 1025.

⁴⁾ Трубецкой, стр. 48.

Теперь становится понятнымъ, какую пользу можетъ извлечь христіанскій воспитатель изъ этой книги, гдѣ со всей искренней пылкостью, со всей безпощадностью анализа рисуется исторія жизни великої души. „Августинъ въ своей Исповѣди, говоритъ Шмидтъ, развилъ цѣлую психологію человѣческаго сердца, изъ которой педагогъ можетъ научиться болѣе, нежели изъ многихъ теорій о воспитаніи. Она показываетъ силу посѣянныхъ въ самой ранней юности религіозныхъ началъ и вмѣсто съ тѣмъ силу вліянія матери на ребенка.. Она показываетъ, какъ одно слово, Одна мысль даже умершаго или находящагося предъ глазами учителя, встрѣтившись съ дремлющими идеями въ душѣ человѣка, могутъ иногда пролагать совершенно новые пути, приводя въ ясное сознаніе высшія потребности духовной и нравственной природы... Она показываетъ, наконецъ, какъ жизнь человѣка, изъ периода беззаботнаго, дѣтскаго, перѣходитъ на степень разлада (человѣка) съ самимъ собою, внутренней борьбы, что душевныя силы бушуютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ шире развивающаяся натура, что въ этой борьбѣ легко утрачиваетъ содержаніе душевная жизнь, если бури не усмиряются и не приводятся въ разновѣсіе высшими небесными силами, и что борьба тогда только закончится истиннымъ миромъ, когда человѣкъ—пловецъ по житейскому морю—бросить якорь въ основѣ всякаго бытія”¹⁾.

До сихъ поръ мы говорили о значеніи для воспитателя откровеній собственной души Августина. Не меньшую пользу можетъ извлечь педагогика и изъ тѣхъ позднѣйшихъ сочиненій Августина, въ которыхъ онъ, исходя изъ наблюденія и опытовъ надъ окружавшими его учениками, высказываетъ свои педагогическіе взгляды. Передъ своимъ крещеніемъ

¹⁾ Шмидтъ. Исторія педагогики, рус. переводъ Циммермана. Москва. 1879 г. т. II, стр. 59.